

Слово в свое оправдание

*Так вот, иногда я успевала еще до завтра-
ка целых шесть раз поверить в невероятное.*

Белая королева.

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

В этой книге я рассказал о пяти годах, прожитых нашей семьей на греческом острове Корфу. Сначала книга была задумана просто как повесть о животном мире острова, в которой было бы немножко грусти по ушедшим дням. Однако я сразу сделал серьезную ошибку, впустив на первые страницы своих родных. Очутившись на бумаге, они принялись укреплять свои позиции и приглашали с собой всяких друзей во все главы. Лишь ценой невероятных усилий и большой изворотливости мне удалось отстоять кое-где по несколько страничек, которые я мог целиком посвятить животным.

Я старался дать здесь точные портреты своих родных, ничего не приукрашивая, и они проходят по страницам книги такими, как я их видел. Но для объяснения самого смешного в их поведении должен сразу сказать, что в те времена, когда мы жили на Корфу, все были еще очень молоды: Ларри, самому старшему, исполнилось двадцать три года, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, а мне, самому маленькому, было всего десять лет. О мамином возрасте никто из нас никогда не имел точного представления по той простой причине, что она никогда не вспоминала о днях своего рождения. Могу только сказать, что мама была достаточно

взрослой, чтобы иметь четырех детей. По ее настоянию я объясняю также, что она была вдовой, а то ведь, как проникательно заметила мама, люди всякое могут подумать.

Чтобы все события, наблюдения и радости за эти пять лет жизни могли втиснуться в произведение, не превышающее по объему «Британскую энциклопедию», мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что в конце концов от истинной продолжительности событий почти ничего не осталось. Пришлось также отбросить многие происшествия и лиц, о которых я рассказал бы тут с большим удовольствием.

Разумеется, книга эта не могла бы появиться на свет без поддержки и помощи некоторых людей. Говорю я об этом для того, чтобы ответственность за нее разделить на всех поровну.

Итак, я выражаю благодарность:

Доктору Теодору Стефанидесу. Со свойственным ему великодушием он разрешил мне воспользоваться материалами из своей неопубликованной работы об острове Корфу и снабдил меня множеством плохих каламбуров, из которых я кое-что пустил в ход.

Моим родным. Как-никак это они все же дали мне основную массу материала и очень помогли в то время, пока писалась книга, отчаянно споря по поводу каждого случая, который я с ними обсуждал, и изредка соглашаясь со мной.

Моей жене — за то, что она во время чтения рукописи доставляла мне удовольствие своим громким смехом. Как она потом объяснила, ее смешила моя орфография.

Софи, моей секретарше, которая взялась расставить запятые и беспощадно искореняла все незаконные согласования.

Особую признательность я хотел бы выразить маме, которой и посвящается эта книга. Как вдохновленный, нежный и чуткий

Ной, она искусно вела свой корабль с несуразным потомством по бурному житейскому морю, всегда готовая к бунту, всегда в окружении опасных финансовых мелей, всегда без уверенности, что команда одобрит ее управление, но в постоянном сознании своей полной ответственности на всякую неисправность на корабле. Просто непостижимо, как она выносила это плавание, но она его выносила и даже не очень теряла при этом рассудок. По верному замечанию моего брата Ларри, можно гордиться тем методом, каким мы ее воспитали; всем нам она делает честь.

Думаю, мама сумела достичь той счастливой нирваны, где уже ничто не потрясает и не удивляет, и в доказательство приведу хотя бы такой факт: недавно, в какую-то из суббот, когда мама оставалась одна в доме, ей вдруг принесли несколько клеток. В них было два пеликана, алый ибис, гриф и восемь обезьянок. Менее стойкий человек мог бы растеряться от такой неожиданности, но мама не растерялась. В понедельник утром я застал ее в гараже, где за нею гонялся рассерженный пеликан, которого она пыталась кормить сардинами из консервной банки.

— Хорошо, что ты пришел, милый, — сказала она, еле переводя дух. — С этим пеликаном трудновато было управиться.

Я спросил, откуда она знает, что это мои животные.

— Ну, конечно, твои, милый. Кто же еще мог бы мне их прислать?

Как видите, мама очень хорошо понимает по крайней мере одного из своих детей.

И в заключение я хочу особо подчеркнуть, что все рассказанное тут об острове и его жителях — чистейшая правда. Наша жизнь на Корфу вполне бы могла сойти за одну из самых ярких и веселых комических опер. Мне кажется, что всю атмосферу, все очарование этого места верно отразила морская карта, которая

у нас тогда была. На ней очень подробно изображался остров и береговая линия прилегающего континента, а внизу, на маленькой врезке, стояла надпись:

Предупреждаем: бакены, отмечающие мели, часто оказываются здесь не на своих местах, поэтому морякам во время плавания у этих берегов надо быть осмотрительней.

I

Переезд

Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей.

В тот день все наше семейство имело довольно неприглядный вид, так как плохая погода принесла с собой весь обычный набор простуд, которые мы очень легко схватывали. Для меня, растянувшегося на полу с коллекцией раковин, она принесла сильный насморк, залив мне, словно цементом, весь череп, так что я с хрипом дышал через открытый рот. У моего брата Лесли, примостившегося у зажженного камина, были воспалены оба уха, из них беспрестанно

сочилась кровь. У сестры Марго прибавились новые прыщики на лице, и без того испещренном красными точками. У мамы сильно текло из носа и вдобавок начался приступ ревматизма. Только моего старшего брата Ларри болезнь не коснулась, но было уже достаточно и того, как он злился, глядя на наши недуги.

Разумеется, Ларри все это и затеял. Остальные в то время просто не в состоянии были думать еще о чем-нибудь, кроме своих болезней, но Ларри само Провидение предназначило для того, чтобы нестись по жизни маленьким светлым фейерверком и зажигать мысли в мозгу у других людей, а потом, свернувшись милым котеночком, отказываться от всякой ответственности за последствия. В тот день злость разбирала Ларри со все нарастающей силой, и вот наконец, окинув комнату сердитым взглядом, он решил атаковать маму как явную виновницу всех бед.

— И чего ради мы терпим этот проклятый климат? — спросил он неожиданно, поворачиваясь к залитому дождем окну. — Взгляни вон туда! И, уж если на то пошло, взгляни на нас... Марго раздулась, как тарелка с распаренной кашей... Лесли слоняется по комнате, заткнув в каждое ухо по четырнадцать саженей ваты... Джерри говорит так, будто он родился с волчьей пастью... И посмотри на себя! С каждым днем ты выглядишь все кошмарнее.

Мама бросила взгляд поверх огромного тома под названием «Простые рецепты из Раджпутаны» и возмутилась.

— Ничего подобного! — сказала она.

— Не спорь, — упорствовал Ларри. — Ты стала выглядеть как самая настоящая прачка... а дети твои напоминают серию иллюстраций из медицинской энциклопедии.

На эти слова мама не смогла подыскать вполне уничтожающего ответа и поэтому ограничилась одним лишь пристальным взглядом, прежде чем снова скрыться за книгой, которую она читала.

— Солнце... Нам нужно солнце! — продолжал Ларри. — Ты согласен, Лесс?... Лесс... Лесс!

Лесли вытащил из одного уха большой клочок ваты.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Вот видишь! — торжествующе произнес Ларри, обращаясь к маме. — Разговор с ним превращается в сложную процедуру. Ну, скажи на милость, разве это дело? Один брат не слышит, что ему говорят, другого ты сам понять не можешь. Пора наконец что-то предпринять. Не могу же я создавать свою бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет эвкалиптовой настойкой.

— Конечно, милый, — рассеянно отвечала мама.

— Солнце, — говорил Ларри, снова приступая к делу. — Солнце, вот что нам нужно... край, где мы могли бы расти на свободе.

— Конечно, милый, это было бы славно, — соглашалась мама, почти не слушая его.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он пишет, что Корфу — восхитительный остров. Может быть, стоит собрать вещишки и поехать в Грецию?

— Конечно, милый, если тебе хочется, — неосторожно произнесла мама.

Там, где дело касалось Ларри, мама обычно действовала с большой осмотрительностью, стараясь не связывать себя словом.

— Когда? — спросил Ларри, удивившись ее покладистости.

Мама, поняв свою тактическую ошибку, осторожно опустила «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Мне кажется, милый, — сказала она, — тебе лучше поехать сперва одному и все уладить. Потом ты напишешь мне, и, если там будет хорошо, мы все к тебе приедем.

Ларри посмотрел на нее испепеляющим взглядом.

— То же самое ты говорила, когда я предложил ехать в Испанию, — напомнил он. — Я просидел в Севилье целых два месяца в ожидании вашего приезда, а ты лишь писала мне длинные письма о питьевой воде и канализации, словно я был секретарем муниципального совета или вроде того. Нет уж, если ехать в Грецию, то только всем вместе.

— Ты все преувеличиваешь, Ларри, — жалобно сказала мама. — Во всяком случае, я не могу так вот сразу уехать. Надо что-то решить с этим домом.

— Решить? Господи, ну что тут решать? Продай его, вот и все.

— Я не могу этого сделать, милый, — ответила мама, потрясенная подобным предложением.

— Не можешь? Почему не можешь?

— Но ведь я его только что купила.

— Вот и продай, пока он еще не облупился.

— Не говори глупостей, милый. Об этом даже речи быть не может, — твердо заявила мама. — Это было бы просто безумием.

И вот мы продали дом и, как стая перелетных ласточек, унеслись на юг от хмурого английского лета.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой только то, что считали жизненно необходимым. Когда на таможне мы открыли для досмотра свой багаж, содержимое чемоданов со всей наглядностью продемонстрировало характер и интересы каждого из нас. Багаж Марго, например, состоял из вороха прозрачной одежды,

трех книг с советами, как сохранить стройную фигуру, и целой батареи флаконов с какой-то жидкостью от прыщей. В чемодане Лесли оказалось два свитера и пара трусов, куда были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка под названием «Будь сам себе оружейным мастером» и большая бутылка смазочного масла, которая подтекала, Ларри вез с собой два сундука книг и чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между одеждой и книгами по кулинарии и садоводству. Я взял с собой в путешествие только то, что могло скрасить длинную, скучную дорогу: четыре книги по зоологии, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья, набитую гусеницами, которые в любой момент могли превратиться в куколок.

Итак, полностью, по нашим стандартам, оснащенные, мы покинули холодные берега Англии.

Мимо пронеслась Франция, грустная, залитая дождями; Швейцария, похожая на рождественский торт; яркая, шумная, пропитанная резкими запахами Италия — и скоро от всего остались лишь смутные воспоминания. Крошечный пароходик отвалил от каблука Италии и вышел в сумеречное море. Пока мы спали в своих душных каютах, где-то посреди отполированной луною водной глади судно пересекло невидимую линию раздела и оказалось в светлом зазеркалье Греции. Постепенно ощущение этой перемены каким-то образом проникло в нас, мы все проснулись от непонятного волнения и вышли на палубу.

В свете ранней утренней зари море катило свои гладкие синие волны. За кормой, словно белый павлиний хвост, тянулись легкие пенистые струи, сверкавшие пузырями. Бледное небо начинало желтеть на востоке. Впереди неясным пятном проступала шоколадно-коричневая земля с бахромкой белой пены внизу. Это

был Корфу. Напрягая зрение, мы вглядывались в очертания гор, стараясь различить долины, пики, ущелья, пляжи, но перед нами по-прежнему был только силуэт острова. Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за горизонта, и все небо залилось ровной голубой глазурью, как глаз у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под скомканным бурым одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обошли северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатаая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого цвета, а с берега даже сквозь шум паровых двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад.

1. Неожиданный остров

Пробившись сквозь гам и сутолоку таможни, мы оказались на залитой ярким солнечным светом набережной. Перед нами по крутым склонам поднимался город — спутанные ряды разноцветных домиков с зелеными ставнями, будто распахнутые крылья тысячи бабочек. Позади расстилалась зеркальная гладь залива с его невообразимой синевой.

Ларри шел быстрым шагом, гордо откинув голову и с выражением такой царственной надменности на лице, что можно было не заметить его маленького роста. Он не спускал глаз с носильщиков, еле справлявшихся с его двумя сундуками. Сзади воинственно выступал крепыш Лесли, а следом за ним в волнах духов и муслина шествовала Марго. Маму, имевшую вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера, нетерпеливый Роджер насильно утащил к ближайшему фонарному столбу. Она стояла там, устремив взор в пространство, пока он давал разрядку своим напряженным чувствам после долгого сиденья взаперти. Ларри нанял две на удивление замызганные пролетки, в одну поместил багаж, в другую забрался сам и сердито посмотрел вокруг.

— Ну, что? — спросил он. — Чего мы еще ждем?

— Мы ждем маму, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарь.

— О господи! — воскликнул Ларри и, выпрямившись в пролетке во весь рост, проревел: — Скорее, мама! Собака может потерпеть.

— Иду, милый, — послушно отозвалась мама, не трогаясь с места, потому что Роджер еще не собирался уходить от столба.

— Этот пес мешал нам всю дорогу, — сказал Ларри.

— Надо иметь терпение, — возмутилась Марго. — Собака не виновата... Мы ведь ждали тебя целый час в Неаполе.

— У меня тогда расстроился желудок, — холодно объяснил Ларри.

— И у него, может, тоже желудок, — с торжеством ответила Марго. — Какая разница? Что в лоб, что на лбу.

— Ты хотела сказать — по лбу?

— Чего бы я ни хотела, это одно и то же.